

Маневры при селе Бородине 28 августа 1839 г.
С акварели художника (?) Шмидта. 1839 г.

Император Николай I.
Художник Д.Доу. 1820-е гг.

Ребята! Перед вами памятник,
свидетельствующий о славном
подвиге ваших товарищей!

Здесь, на этом месте, за 27 лет перед
сим надменный враг возмечтал
победить русское войско, стоявшее
за Веру, Царя и Отечество.
Бог наказал безрассудного:
от Москвы до Немана разметаны
кости дерзких пришельцев —
и мы вошли в Париж.

Теперь настало время воздать
славу великому делу.
Итак, да будет память вечная
безсмертному для нас Императору
Александру I-му. Его твердою
волею спасена Россия; вечная
слава павшим геройскою смертью
товарищам нашим. И да послужит
их подвиг примером нам
и позднейшему потомству.
Вы же всегда будете надеждою
и оплотом вашему Государю
и общей матери нашей России.

Николай I
26 августа 1839 г. Бородино

«Я ПОЛОЖИЛА В ДУШЕ МОЕЙ СООРУДИТЬ ХРАМ»

М.М.Тучкова и церковь Спаса Нерукотворного на Бородинском поле

Елена Семенищева

Для своих современников Маргарита Михайловна Тучкова (урожденная Нарышкина) была родовитой дворянкой, помещицей и, наконец, убитой горем вдовой — таких в то время в России было немало. Кто-то, наверное, тогда считал блажью ее задумку построить храм на Бородинском поле: церковь в селе Бородине после французского разорения уже была восстановлена — приезжай и молись! Но Маргарита Михайловна хотела молиться именно на том клочке земли, что был окроплен кровью ее мужа и орошен ее вдовими слезами.

Теперь-то мы можем говорить о Маргарите Тучковой, как о сделавшей первый шаг к мемориализации Бородинского поля. Можем сравнивать игумению Марию с вдовой героя Куликовской битвы, святой благоверной Великой княгиней Евдокией Московской, в иночестве Евфросинией, основательницей Вознесенского монастыря в Кремле. Но Маргарита Михайловна, конечно же, не помышляла ни о том, ни о другом, когда писала царю: *«Ни в чем другом отрады не нахожу как в предприятии соорудить храм на том священном для меня месте, где пал супруг мой»*, — и митрополиту¹: *«... я положила в душе моей, к единственному утешению моему... соорудить храм на главной батарее Бородинской»*.

Обращение к архивным документам и известным печатным источникам позволяет по-новому взглянуть на жизненный крестный путь игумении Марии.

Справедливости ради стоит отметить, что мысль о сооружении новой церкви на Бородинском поле для молитвенного поминовения убиенных воинов возникала в уме графа Федора Васильевича Ростопчина. В одном из писем от 24 сен-

Игуменя Мария (Тучкова).
Неизвестный художник.
Конец XIX — начало XX вв.

тября 1813 года он писал: *«Мысль моя о построении церкви на Бородинском поле состояла в том, чтоб удовлетворить богомолью родственников убитых в сражении, а отнюдь я не помышлял воздвигнуть памятник победы, ибо последствия сей битвы доказали, что мы не могли остаться на месте и через неделю после столица была занята неприятелем»*. Как видим, «здравые» рассуждения не позволили московскому военному губернатору, бывавшему на Бородинском поле после сражения, отстаивать замысел построения здесь храма.

Иное дело — приезд на место кровавой битвы вдовы генерала Тучкова. Можно только представить, каких и физических, и душевных сил потребовало от нее многочасовое хождение среди тысяч трупов с надеждой найти тело мужа. Увиденное и пережитое тогда прошло сквозь ее страдавшее сердце и помогло не отказаться от поставленной цели, сколько бы ни возникало препятствий при ее достижении.

Надо думать, в первое время ей хотелось забыть страшную, залитую кровью землю и никогда не слышать само название того места, где решилась ее участь. По признанию самой Маргариты Михайловны, она *«была так поражена своим несчастьем, что утратила возможность заботиться о своей собственной жизни»*, пока, наконец, не обратилась *«...к Тому, Который никогда не оставляет существо, молящее его. Сердце мое почитало Бога, и я научилась покорности; но рана моя не заживала никогда ...»*². В почувшем Бога сердце типичной представительницы высшего «офранцузившегося» общества и письмо-то это все еще писавшей по-французски окрепла мысль соорудить храм на костях воинов, что было в лучших традициях ее православных предков.

¹ Точнее, управляющему Московской Митрополией, Высокопреосвященнейшему Августину, архиепископу Дмитровскому.

² Письмо сыну от 6 апреля 1817 года.

Через графа А.А.Аракчеева, докладчика Императору представлений всех министров, Маргарита Михайловна вступила в переписку с Александром I. В письме от 25 сентября 1816 года, отправленном из деревни Ломаново Алексинского уезда Тульской губернии, вдова бородинского героя с христианским смирением, по сути, просила милостыню у Государя: *«Потеряв обожаемого мною супруга на поле чести, я не имела даже утешения найти остатки его. Сия мысль беспрестанно умножает настоящею причину терзания моего, и ни в чем другом отрады не нахожу как в предприятии соорудить храм на том священном для меня месте, где пал супруг мой. Но я своих денег более не имею как десять тысяч рублей, чтоб собрать сию сумму, я отказовала себе нужное, доказательством тому служит то, что я живу под соломенном кровом и не имею нигде другого собственного пристанища. Число денег моих столь малозначительно, что естли Ваше Императорское Величество, не подаст мне руку помощи, я должна буду с прискорбием оставить намерение мое»*. Принесение в жертву здоровья своего и сына ради Богоугодного дела видно в ее письме к графу Аракчееву, написанном днем позже: *«Глубокой горести, в которой я не осмеливалась явиться Монарху, служит утешением надежда соорудить храм на том самом месте, где хранится причина ея. Своих денег я более не имею как десять тысяч. Чтоб собрать их, во все эти годы, я отказывала себе самое нужное даже и то не скрою от Вашего Сиятельства, что для поправления разстроеннаго моего здоровья, а более для сына моего, который весьма слабого сложения, доктора советовали мне непременно ехать к приморским местам, чтоб пользоваться морскими ваннами, но и сего, к крайнему огорчению, исполнить не могу, имея едва чем жить в деревне...»*

Сельцо Верхнее Ломаново, судя по поданной 18 сентября 1811 года ревизской сказке, досталось помещику генерал-майору и разных орденов кавалеру Александру Алексеевичу Тучкову по купчей 1811 года. Всего в сельце за ним состояло 69 душ мужского пола. Пенсионное жалованье его вдовы составляло 1800 рублей в год.

11 января 1817 года на постройку церкви Высочайше было пожаловано 10 000 рублей, о чем и дан был указ министру финансов. Императору были хорошо понятны устремления почувявшего Бога сердца. По изгнании неприятеля за пределы России, 25 декабря 1812 года, в день Рождества Христова, Александр Благословенный, понимавший, *«что спасение России от врагов, столь же многочисленных силами, сколь злых и свирепых намерениями и делами, совершено в шесть месяцев всех их истребление, ...есть явно излиянная на Россию благодать Божия...»* подписал манифест, в котором давал обет создать церковь во имя Спасителя Христа в Москве.

Следующим шагом М.М.Тучковой, по получении денег от Александра I, была покупка земли у бородинских помещиков. Хлопоты, связанные с этим, заняли целый год. *«Желая приступить теперь к исполнению предприятия моего, сторговала я у помещиков села Бородина: Действительнаго Статскаго Советника Воейкова, Секунд Ротмистриши Савеловой, и девицы Давыдовой, три десятины земли, чрезполоснаго владения, и получила уже на то их слово; но как теперь все поместья Села Бородина описаны были уездным начальством, то вышесказанные помещики полагая по сему, что Его Императорскому Величеству благоугодно скупить владения их в казну, остановили продажу земли сей мне, и не могут решиться без соизволения на то Государя Императора. ...Сверх того так как земля упомянутой помещицы Г-жи Давыдовой, от коей я должна купить десятину, заложена в воспитательном доме, и не иначе сможет она продать мне сию часть земли как на условии, а не по купчей, на что не соглашается Преосвященный Августин, то не можете ли и в сем случае, Ваше Сиятельство, подать мне руку помощи и испросить у Всемилостивейшей Государыни Императрицы Марии Федоровны разрешение на сию землю»*, — просила она графа Аракчеева в письме от 22 декабря 1817 года.

Неизвестный автор рукописи «Императрица Мария Федоровна в эпоху наполеоновских войн» сообщает, что помещики выразили согласие пожертвовать землю безвозмездно, и когда выяснилось, что нужные 3 десятины земли заложены в Опекунском совете, в дело вмешалась императрица Мария Федоровна, приказавшая исключить ее из залога и сама сообщившая об этом Тучковой.

Однако архивные документы дают несколько иную картину. *«7 февраля 1818 года покойнаго действительнаго статскаго советника Василия Денисовича Давыдова дочь Александра продала в селе Бородине земли для постройки церкви генерал-майорше Маргарите Михайловне Тучковой с соизволения Императорскаго Воспитательнаго дома Московскаго Опекунскаго Совета — одну десятину ... за 30 (тридцать) рублей ассигнациями»*. И в прошении на имя управляющего Московской Митрополией, Преосвященного Августина, архиепископа Дмитровского, от 11 февраля 1818 года М.М.Тучкова поясняла: *«... место, где я предположила соорудить храм Господу, и где муж мой кончил дни свои за отечество, при деревне Семеновской близ Бородина, принадлежит трем помещикам... которых мне уступили из владений своих по одной десятине и на оныя три десятины я уже совершила купчия, и ежели оныя востребуются, представить имею»*.

В своих прошениях Маргарита Михайловна не повторялась, вновь и вновь описывая свое горе и свое намерение. Вот и в этом, на имя Преосвященного, она нашла особые слова: *«Муж мой ге-*

нерал-майор Александр Алексеевич Тучков, в 1812-м году Августа 26-го в сражении при Бородине убит, и к величайшей горести моей его тела не могли отыскать, между падиших за веру и отечество на поле битвы, я положила в душе моей, к единственному утешению моему и сына покойного, соорудить храм на главной батарее Бородинской, дабы в оном совершаемо было поминовение по нем».

В Московской духовной консистории по резолюции Преосвященного Августина начали изучение вопроса. К делу была приложена справка о Бородинской церкви, освященной после Отечественной войны 16 июля 1816 года. Пречистенского сорока благочинному Симеоновскому, что на Поварской, протоиерею Стефану Никитину было велено узнать у М.М. Тучковой, проживающей в то время... в доме ее отца подполковника Михаила Петровича Нарышкина, у Пречистенских ворот, «...на каком основании она собирается построить церковь, то есть желает ли она особого священника иметь или чтобы ближайший священник управлял священнослужением в оной церкви, и также не отведена ли будет для священнослужителя земля и какое ею содержание за неимением прихода назначается...». К рапорту благочинного об исполнении поручения было приложено «Показание» М.М. Тучковой, в котором она сообщала, что «просила о дозволении, Можайской округи близ села Бородина на главной батарее... построить церковь, с тем чтобы она числилась приделом церкви села Бородина».

4 марта 1818 года на слушании в Московской духовной консистории дело было решено поло-

жительно, то есть «Согласно прошению и показанию госпожи генеральши Тучковой построить каменную церковь во имя Христа Спасителя... дозволить с тем, чтобы она церковь числилась приделом Рождественской церкви, что в селе Бородине, и оной церкви священником с причтом совершаемо было в ней по покойном господине Тучкове поминовение на что и дать ей госпоже Тучковой храмозданную грамоту...»

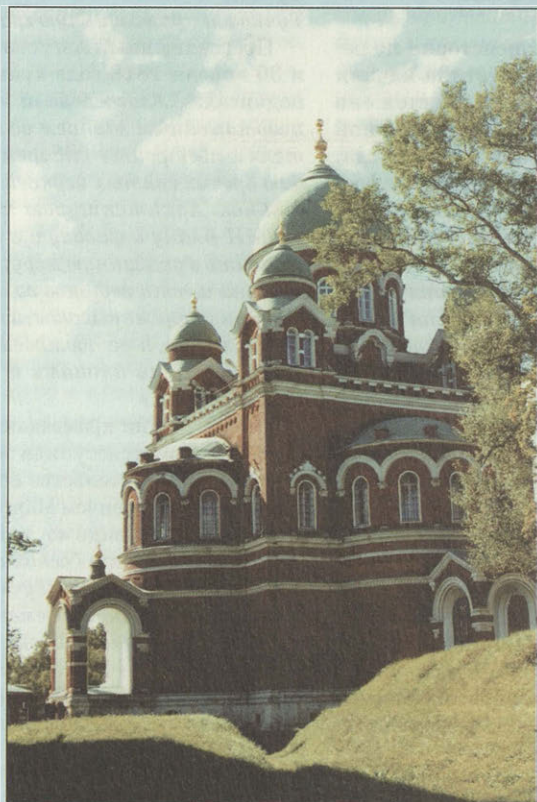
Преосвященный Августин утвердил решение и 30 апреля 1818 года храмозданную грамоту подписал: «...благословили МЫ помянутую церковь каменным зданием во имя Христа Спасителя ... построить олтарем на восток, по подобию прочих святых церквей доброю и благоприспоспособною Архитектурою по априорованному НАМИ плану и фасаду и в олтаре престол поставить в указанную меру, а именно: в высоту аршина шести вершков со дскою также и жертвенник той же высоты, а шириною и длиною в меру олтаря, и по построении оную церковь убранить святыми иконами и прочим церковным благолепием...»

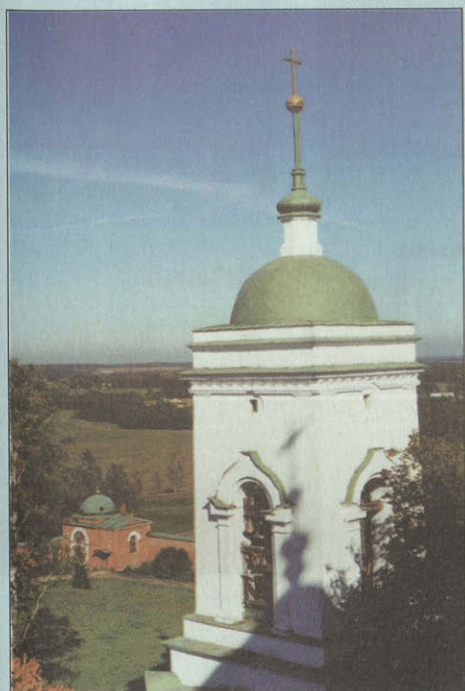
По получении храмозданной грамоты к постройке церкви приступили немедленно. Договоренность о строительстве с можайским купцом Петром Михайловичем Маргориным была заключена Тучковой, видимо, ранее, исходя из сообщенного им самим: «Госпожею генеральшею Маргаритой Михайловной Тучковой сооружается в Можайском уезде на Семеновских полях в память бородинского сражения каменная церковь, кою я обязался с ее превосходительством выстроить из собственных своих материалов по заключенному обязательству ценою за 22 000 рублей

Церковь Спаса Нерукотворного — усыпальница Тучковых.
Архитектор неизвестен. 1820 г.

СПАСО-БОРОДИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Интерьер Владимирского собора

Интерьер кабинета-гостиной в доме игуменьи Марии

для каковой постройки я подрядил Володимирской губернии и округи ... сельца Нестеровки крестьянина Прокофия Исаевича сына Арапова с коим и заключил 1818-го года мая 1-го дня контракт, с тем дабы он поставил на оную работу достаточное количество каменщиков и построить в том 1818-м году совершенно...»

Информация, «полученная» от купца Маргарина, проливает свет на сумму, в которую обошлось строительство церкви — 22 000 рублей, в то время как начальная цена по смете проектировщика превышала ее без малого вдвое. 20 декабря 1816 года Тучкова сообщала Аракчееву: «Вы изволите требовать моего мнения о нужной сумме, испрашиваемой мною на построение храма на Бородинском поле. Если позволите, возьму смелость прислать онаго план, по смете которого потребно будит сорок три тысячи рублей, для исполнения сего прожекта». Наверное, только горячая вера помогла Маргарите Михайловне затевать дело по устройству церкви, имея лишь половину требуемой суммы: 10 000 рублей своих и 10 000 царевых.

Кроме того, если верить купцу, строительство началось и закончилось в 1818 году. Но освящение церкви была лишь спустя два года.

23 августа 1820 генеральша Тучкова просила нового владыку митрополита Московского и Коломенского Серафима: «По резолюции покойнаго Августина архиепископа Московского и кавалера, Можайской округи в селе Бородине устроена мною вновь каменная во имя Всемиловейшего Спаса церковь, которая ныне утварию церковною и всем принадлежащим к священнослужению снабдена достаточно и нужно освятить ее. Того ради Ваше Высокопреосвященство всепокорнейше прошу оную церковь во имя Всемиловейшего Спаса освятить дозволить Лужецкого монастыря казначею Иеромонаху Иоасафу и святой Антиминс повелеть выдать...»

Антиминс был выдан из Чудова монастыря, а казначей монастыря Лужецкого 2 сентября 1820 года рапортовал: «Можайской округи, что в селе Бородине устроенная вновь каменная во имя Всемиловейшего Спаса Церковь мною с прочим духовенством по чиноположению протоиерея Августа 26 числа освящена».

Почему построенный храм стоял неосвященным? Думается, ответ скрывается за изменением его посвящения. Ведь первоначально — и в прошениях вдовы, и в храмозданной грамоте — речь шла о церкви во имя Христа Спасителя. В принципе нет никакой разницы, и все же...

То, что походной иконой Ревельского пехотного полка был Спас Нерукотворный, — факт общеизвестный. Общеизвестно также и то, что этот образ стал храмовым во вновь построенной церкви. Но вот что предшествовало этому.

11 марта 1813 года из Виленской губернии на имя московского обер-полицейстера был направлен рапорт командира Ревельского пехотного полка: «Прошло 1812-го года при начатии с французами кампании, покойнаго шефа сего

полка господина генерал майора Тучкова 4-го, женой его Маргаритой дочерью Михайловой состоящие при полку: образ полковой и все нужные церковныя вещи ...уеззены с собою в город Москву; а как неоднократно бывшем сего полка полковым командиром полковником Желвинским было писано о присылке означенных вещей, но никакого от нее ответа на сие не последовало, то по сим обстоятельствам полк сей Вашего Превосходительства покорнейше просит, буде выше писанная вдова генерал майорша Тучкова, имеет еще пребывание в Москве, кому следует приказать принадлежащие полковой церкви сокровища от нее отобрать, и доставить к полку, а буде что в Москве не находится, не оставить полк своим уведомлением». К рапорту прилагался список означенных церковных вещей. Среди них: храмовый Нерукотворный образ в серебряном окладе, облачение священнослужителя, литургический набор, а также священный антиминос.

Полк уведомили, что «Маргарита Михайловна имеет пребывание в Тульской губернии Алексинского уезда в селе Ломанове».

Улаживанием вопроса с полком, видимо, и занималась вдова, не представлявшая, как можно расстаться с образом, полученным перед расставанием из рук обожаемого мужа. Косвенное подтверждение этому имеется и в том самом письме П.П. Коновницына от 10 января 1817 года, где им, дивизионным командиром Тучкова 4-го, указано место, на котором Александр Алексеевич «пал мертв и запечатлел там любовь к отечеству». Коновницын, в то время военный министр России, сообщал Маргарите Михайловне: «В рассуждении претензий полковых идет у меня переписка, только не успел наблюдать всю возможную пользу Вашу».

Вернув полку церковную утварь, М.М. Тучкова смогла добиться разрешения оставить у себя драгоценный для нее образ и в восьмую годовщину Бородинской битвы сама внесла его в ожившую, наконец, церковь.

Спустя почти два десятка лет она получила достойную оценку своим подвижническим трудам от царя и митрополита. Император Всероссийский Николай I, открывавший Главный монумент на Батарее Раевского, сказал ей: «Мы поставили памятник бессмертный христианский памятник». Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов), освящавший вновь учрежденный Спасо-Бородинский монастырь, в проповеди произнес: «Добрая была мысль, посвящать храм Богу на месте, где столь многия тысячи подвизавшихся за Веру, Царя и Отечество положили временную жизнь, в надежде воспринять вечную. Те из них, которые принесли себя в жертву, в чистой преданности Богу, Царю и Отечеству, достойны мученического венца, и потому достойны участия в церковной почете, которая издревле воздавалась Мученикам, посвящением Богу храмов над их гробами».